

Лекция: Категории человеческого бытия.

П л а н:

1. **Любовь как категория философии**
2. **Понятие свободы**
3. **Счастье в жизни человека**
4. **Смерть – венец жизни.**

Основные категории бытия человека, определяющие его жизнь, — это прежде всего свобода, поиски смысла жизни, творчество, любовь, счастье, вера, смерть и др.

Любовь. Любовь — самый верный свидетель существования. Только находясь в состоянии любви, человек чувствует, что действительно живет, а не через него что-то живет, случается помимо его воли или желания. Он чувствует это каждую минуту так же, как идеально здоровый спортсмен чувствует каждую клеточку своего молодого тренированного тела.

С точки зрения философии то, что кто-нибудь кого-нибудь любит, объясняется не предметом любви, а способностью любить. Другими причинами нельзя объяснить возникновение любви. Например, я люблю этого человека, потому что он (она) очень красивый. Но почему я остановился именно на этом, когда есть тысячи более красивых людей? Я люблю, потому что он умный. Но разве за это любят? Я люблю, потому что он богатый — это уже совсем несерьезная причина для любви.

Любят не за что-то, любят, потому что любят. Для любви нет причин, как нет причин для добрых поступков, нет причин для существования совести. А когда находятся такие причины, то ни любви, ни совести нет.

Человек делает добро, поступает по совести не потому, что преследует какую-нибудь конкретную цель, а потому, что он добр, совестлив и не может жить иначе. Человек любит потому, что не может не любить, даже когда обнаруживает, что любимый на самом деле не обладает особыми достоинствами. Любящий видит в любимом то, чего не видят другие, чего не видит весь мир. Человека невозможно познать никакими тестами, никакими опросами и исследованиями. Но есть одно безошибочное средство узнать человека — надо его полюбить.

Иногда можно услышать, как один человек говорит другому: «За что ты ее полюбил, она ведь такая некрасивая?» На что этот другой мог бы, конечно, ответить: ты ее не видишь, ее вижу только я, только мне открыта ее божественная красота, а у тебя нет глаз, которыми ты можешь это увидеть. **Любовь в своей основе есть религиозное восприятие человека, видение в нем божественного начала.**

Поскольку нет никаких биологических, физических или психологических оснований для любви, поскольку любят не за что-то, любят потому, что не могут не любить, то у любви есть только метафизические основания.

В этом мире любовь встречается очень редко. **Согласно древнему мифу об андрогине, раньше человек был един, он был одновременно мужчиной и женщиной.** Потом Бог разорвал его на две половинки и бросил их в разные стороны. И с тех пор они ищут друг друга. Когда находят, возникает любовь. Многие верят, что любят или любили, но на самом деле чаще всего они себя убеждают в этом, на самом деле это лишь имитация любви. Вл. Соловьев считал, что любовь для человека — пока то же, что разум для животного, т.е. только неопределенная возможность.

Любовь — не массовое явление, а редкий подарок, достающийся далеко не всем людям. Она встречается редко еще и потому, что люди боятся любви, так как это — постоянная забота и тревога за любимого человека, постоянная ответственность. **Любовь никак не совпадает со счастьем в будничном смысле этого слова.**

Любовь — очень парадоксальная вещь. Во-первых, любовь нередко возникает тогда, когда любить нельзя, и развивается, преодолевая различные препятствия. Вся художественная литература построена на описании этого конфликта — любовь Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Алексея Вронского и Анны Карениной. Не только в литературе, но и в жизни любовь всегда развивается в борьбе с внешними обстоятельствами, в борьбе с судьбой, с обществом.

Отсюда вытекает второй парадокс — любовь всегда связана со смертью: или потому, что препятствия для ее осуществления оказываются непреодолимыми, или потому, что любящий человек осознает, как хрупко и недолговечно его чувство, когда он остро переживает тот факт, что он живет, дышит, радуется жизни, и поэтому своим главным врагом считает небытие, распад, смерть. Андрей Болконский перед своей кончиной думал о том, что только любовь может противостоять смерти, только любовь является ее действительной соперницей и может спасти человека. Ибо жизнь как таковая, осуществляемая в смене поколений, бессмертна.

Воспитывать — значит пробуждать способность любить. Труд жизни начинается с труда души, с любви, а уже потом идет труд ума и рук. Обычно говорят, что всех любить невозможно, что есть люди не достойные любви. Тем не менее детей надо прежде всего учить любви: научатся любить людей — будет кого и что любить, а они потом уже сами научатся ненавидеть тех, кто хочет погубить любимое и дорогое. Если проповедовать выборочную любовь — этих можно любить, они хорошие, а

этих не надо, то постепенно можно прийти к выводу, что у всех людей есть недостатки, все в чем-то плохи и любить никого не надо.

Исключительная роль в понимании и утверждении любви принадлежит христианской религии. Она учит, что Бог есть любовь, любовь вообще, чистая любовь, поднимаемая к которой, человек начинает жить в атмосфере любви и становится способным к любому конкретному ее проявлению: может полюбить человека, животное, природу. В Послании Иоанна говорится: «...всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; Кто не любит, тот не познал Бога...».

Религиозная, христианская суть любви, считал Франк, не имеет ничего общего с рационалистическим требованием всеобщего равенства и альтруизма, которое постоянно вновь и вновь возрождалось во многих идейных течениях — от софизма V в. до коммунистического I «Интернационала». Нельзя любить человечество вообще и человека вообще, можно любить только данного, отдельного, индивидуального человека во всей конкретности его образа. Любящая мать любит каждого своего ребенка в отдельности, любит то, что есть единственного, несравнимого в каждом из ее детей.

Скажем несколько слов о *теории любви* Фрейда. Постоянная задача развивающейся человеческой культуры есть обуздание любовной жизни, и первые собственно культурные законы направлены сначала на запрет сексуальных отношений между родственниками, а потом и на ограничение сексуальной жизни вообще, например браком. Но многочисленные запреты, наложенные культурой на сексуальное наслаждение, сказались и в том, что позднейшее разрешение его в браке не давало человеку полного удовлетворения. Правда, и неограниченная половая свобода не приводила, по Фрейду, к лучшим результатам. Ценность любовной потребности тотчас понижалась, если удовлетворение становилось слишком доступным.

Люди стали создавать условные препятствия, чтобы наслаждаться любовью. Там, где не было таких препятствий, любовь была обесценена, а жизнь пуста. Настоящую психическую ценность придали любви аскетические течения христианства. Никакие предшествующие эпохи не наполняли любовь таким глубоким и сильным напряжением чувств, воли, памяти.

Культура всегда находится в разладе с сексуальной жизнью. Человеческие гениталии, по Фрейду, не проделали вместе со всем человеческим телом развития в сторону эстетического совершенствования, они остались животными, и потому любовь в своей основе осталась такой животной, какой она была испокон веков. Любовные влечения с трудом поддаются воспитанию, а попытка обуздать их, подавить приводит к серьезным нарушениям психики, к неврозам. Поэтому невозможно найти равновесия между требованиями полового влечения и культуры, иначе в будущем человеческий род вообще прекратится в силу его необычайно мощного культурного развития.

Человек не удовлетворен культурой, которая резко обуздывает его свободу, в том числе и сексуальную, не дает ему возможности полного удовлетворения сексуальных потребностей. Но, по Фрейду, именно это становится источником величайших культурных достижений, ибо половая энергия переходит в культурную деятельность. Какие мотивы могли бы заставить людей находить другое применение своим сексуальным импульсам, если бы они могли быть полностью счастливы в половой деятельности? Полностью счастливый человек ничего не стал бы делать для развития культуры.

Таким образом, **любовь, прежде всего сексуальная, является, по Фрейду, базисом человеческой культуры. Она не просто связывает одного человека с другим. Эрос объединяет семьи, племена, народы, нации в одно большое целое — человечество. Человеческие массы должны быть либидозно связаны, одна лишь необходимость объединения в труде не могла бы удержать их вместе.** Но есть и вторая изначальная сила — склонность к агрессии. Инстинкт агрессии является отпрыском и главным представителем первичного позыва смерти, Танатоса, разделяющего с Эросом господство над миром. Судьба рода человеческого зависит от того, удастся ли развитию культуры — и в какой мере — обуздать человеческий первичный позыв агрессии и самоуничтожения. В настоящее время, полагал Фрейд, люди так далеко зашли в своем господстве над силами природы, что они легко могут уничтожить друг друга вплоть до последнего человека. «Следует, однако, надеяться, что другая из двух «небесных сил» — вечный Эрос — сделает усилие, чтобы отстоять себя в борьбе со столь же бессмертным противником. Но кто может предвидеть исход борьбы и предсказать, на чьей стороне будет победа?».

Любовь не только конституирует человека как личность, но и является средством более глубокого и более точного открытия реальности. Гёте, например, говорил, что ему претят всякие узкопрофессиональные занятия, он во всем старается остаться «любителем», ибо «любитель» от слова «любить», а узкий профессионал — не «любитель», и поэтому от него, как правило, бывает скрыта истинная цель его профессии. Это же имел в виду Лосев, комментируя Платона: «Любящий всегда гениален, так как открывает в предмете своей любви то, что скрыто от всякого нелюбящего... Творец в любой области, в личных отношениях, в науке, искусстве, в общественно-политической деятельности всегда есть любящий; только ему открыты новые идеи, которые он хочет воплотить в жизнь и которые чужды нелюбящему»¹.

Очень часто люди довольствуются эрзацами, суррогатами, многочисленными формами псевдолюбви. Об этих формах писал Фромм в своей книге «Искусство любить».

Во-первых, большинство людей считает, что любовь — дитя сексуального наслаждения и если два человека научатся в этом смысле вполне удовлетворять друг друга, то они постигнут искусство любить. На самом же деле, полагал Фромм, истина прямо противоположна этому предположению. Любовь не является следствием сексуального удовлетворения: наоборот, даже знание так называемых сексуальных приемов — это результат любви.

Второй формой псевдолюбви, которая вместо человеческого счастья приводит лишь к неврозам, страданиям, **является привязанность одного или обоих «любowników» к фигуре одного из родителей. Уже во взрослом состоянии они переносят на любимого человека чувство ожидания или страха, которые испытывали по отношению к отцу или матери.** Они никогда не освобождаются от образа зависимости и ищут этот образ в своих любовных требованиях. В подобных случаях человек в смысле чувств остается ребенком, хотя интеллектуально и социально находится на уровне своего возраста.

Еще одна форма псевдолюбви — любовь-поклонение. Люди часто имеют склонность обожествлять любимого. Будучи отчужденным от своих собственных сил, человек проецирует их на своего кумира, почитаемого как воплощение любви, света, блаженства. Он теряет себя в любимом человеке, вместо того чтобы находить себя в нем. Но никакой человек не может жить в таком состоянии в течение долгого времени, поэтому неизбежно наступает разочарование, возникает новый идол, потом еще один.

Проявление невротической любви вызвано нежеланием замечать свои грехи и сосредоточенностью на недостатках и слабостях «любимого» человека. Индивид беспощадно обличает даже маленькие слабости другого человека и охотно закрывает глаза на свои собственные пороки. Если два человека делают это одновременно, то их любовные отношения превращаются в попытку постоянного взаимного разоблачения.

Видом псевдолюбви является также «временная аберрация». Многие помолвленные или молодожены мечтают о блаженстве, которое, как они думают, ожидает их впереди, хотя в данный момент они уже начинают скучать друг с другом. Эта тенденция совпадает с общей установкой, характерной для современного человека. Он живет в прошлом, сентиментально вспоминая свое детство, или в будущем, строя счастливые планы на завтра, но не в настоящем. Переживается ли любовь «заместительно», как фиктивное участие в переживаниях других людей, переносится ли она из настоящего в прошлое или в будущее — **такие абстрактные и отчужденные формы любви служат, согласно Фромму, лишь наркотиком, облегчающим боль реальности, одиночества и отчуждения.**

И наконец, очень частая форма псевдолюбви — проекция своих проблем на детей. Когда человек чувствует, что не в состоянии придать смысл собственной жизни, он старается обрести его в сыне или дочери. Но так можно, считал Фромм, ввергнуть в беду как самого себя, так и своего ребенка. Не найдя смысла для себя, можно и ребенка воспитать неправильно. Часто не расторгают несчастливый брак, выдвигая такой аргумент: мы не можем разойтись, чтобы не лишать ребенка благоденствий единой семьи. Однако на самом деле атмосфера напряженности и безрадостности в подобной семье более вредна для ребенка, чем открытый разрыв.

В заключение можно сказать, что состояние постоянной борьбы в сегодняшнем российском обществе, борьбы всех против всех, привело к общему ожесточению, к забвению того, что **любовь — это не сентиментальное чувство, не каприз настроения и не ослепляющая болезнь, это вообще не только и не столько человеческое качество или способность, а объективный закон существования человеческого мира.** Любовь — это усилие во что бы то ни стало остаться живым, не поддаться омертвляющему воздействию «мира» — ненависти, насилию, автоматизму мышления и поведения, сохранить в себе искру божественного начала.

Понимание того, что человек без любви — жалкое, неполноценное существо, не постигающее смысла своего существования, выражено в Послании апостола Павла коринфянам: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1 Кор. 13:1—2).

2. Понятие свободы.

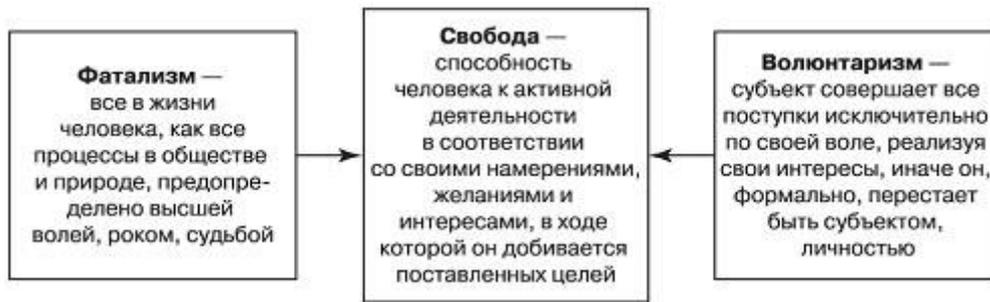
Проблема свободы в философии осмысливается, как правило, по отношению к человеку и его поведению (свобода в природе осмыслилась как случайность, как "непознанная необходимость"). Она получила развитие в таких философских проблемах, как свобода воли и ответственности человека, возможностей быть свободным, осмыслением свободы как силы, регулирующей общественные отношения. Ни одна философская проблема, наверное, не обладала столь большим социальным и политическим звучанием в истории общества, как проблема свободы.

Фатализм (от лат. слова *fatalis* — роковой, предопределенный судьбой) представляет собой философскую концепцию, согласно которой все в жизни человека, как все процессы в обществе и природе, предопределено высшей волей, роком, судьбой.

В соответствии с такой мировоззренческой позицией выработан и принцип поведения, когда человек изначально осознанно настроен на подчинение обстоятельствам, на покорность провидению.

Волюнтаризм (от лат. слова *voluntas* — воля) — концепция, выражающая противоположную фатализму позицию. Феномен воли выступает в качестве высшего принципа бытия. Эволюция предопределена не судьбой, а волей субъекта.

Субъектом можно представить и человечество в целом, и социальную систему (или группу людей), и отдельного человека. Но субъект совершает все поступки исключительно по своей воле, реализуя свои интересы, в противном случае он, формально, перестает быть субъектом.

Только такое поведение, с позиции волюнтаризма, характеризует свободную личность. А индивиды, не способные противостоять обстоятельствам и воле других личностей, закономерно оказываются несвободными. Однако такая позиция противоречива, так как стремление стать свободной личностью может гипотетически возникнуть у всех людей (или хотя бы у многих). И тогда неизбежны обострения противоречий, столкновения между ними. Волюнтариста это не должно смущать — победит сильнейший. Данная позиция напоминает отношение пауков в банке и не соответствует не только принципам гуманизма, но и принципам самосохранения в живой природе.

Кроме того, абсолютная свобода как полная независимость ни от каких обстоятельств в природе не встречается. Действительно не ограниченной оказывается только свобода Бога. В связи с этим [Б. Спиноза](#) выдвинул положение о том, что свобода — это познанная необходимость. Эта позиция была развита в немецкой классической философии, воспринята марксизмом. Свобода не слепое проявление воли, а способность человека поступать настолько целесообразно и эффективно, насколько глубоко и всесторонне ему удалось исследовать окружающий мир. При этом свобода конкретного индивида неизбежно взаимосвязана со свободой других индивидов. Свобода личности ограничена свободой других людей.

Тем не менее идеи волюнтаризма и свободы в волюнтаристском понимании нашли проявления в идеологии анархизма, национализма, фашизма. Такие мировоззренческие позиции, реализованные на практике, дорого обошлись человечеству.

В современной философии **свобода** — это категория, фиксирующая возможность деятельности и поведения субъекта в условиях отсутствия внешнего целеполагания; способность человека к активной деятельности в соответствии со своими намерениями, желаниями и интересами, в ходе которой он добивается поставленных перед собой целей.

Но свобода человека, свобода его поведения всегда обусловлены системой норм, принципов, сложившихся в данном конкретном обществе или имеющих силу норм, которые разделяет все человечество или по крайней мере большинство людей.

3. Счастье. Ницше считал, что мудрый человек не обязан быть счастливым — если человек знает, зачем он живет, ему не важно, как он живет. Но большинству людей, особенно в юном возрасте, такие рассуждения покажутся чересчур суровыми, чересчур пессимистичными. Как это нет счастья, когда каждый день приносит столько радости? А сколько таких радостей, сколько счастья ожидает впереди!

Конечно, никто не знает точно, что такое счастье, и разные люди понимают его по-разному. **Наиболее распространенная точка зрения подменяет счастье удовольствием. Удовольствие — это имитация счастья.** Крайним видом такого иллюзорного счастья является наркотическое опьянение: человек полностью отрешен от мира, полностью растворен в чистом удовольствии, абсолютно счастлив и доволен, в данный момент больше ничего ему не нужно, и сейчас он не думает о том, что наступит очень тяжелое похмелье, тяжкие страдания..

Многие отождествляют счастье с полным удовлетворением своих потребностей: у них все есть, они богато живут, им доступны любые физические и духовные удовольствия — что еще надо для счастья? В одной древнегреческой легенде повествуется о том, как богатый царь Крез спросил мудреца Солона, видел ли когда-нибудь тот счастливого человека. На это Солон ответил, что никогда не видел и вообще нельзя видеть счастливого человека. «Но ведь я перед тобой, — возмутился Крез. — Я самый счастливый, потому что самый богатый». Но Солон ответил, что об этом еще рано судить, так как Крез еще жив. Действительно, вскоре враги разгромили и разграбили государство Креза и убили его самого. Греки считали, что лишь смерть придает жизни законченный вид. Только тогда, когда жизнь завершится, можно ответить на вопрос, счастлив ли был человек, а пока она продолжается, сказать этого нельзя.

Некоторые люди связывают свое представление о счастье с карьерой, прежде всего с политической: им кажется, что настоящее счастье — иметь власть, управлять другими людьми, все время быть на виду, слушать слова одобрения. Но, как показывает жизнь, политические деятели редко бывают счастливы — власть быстро развращает и опустошает человека.

Ни забвение, ни наслаждение, ни удовлетворение всех потребностей, ни власть не приносят, видимо, настоящего счастья, они дают лишь имитацию счастливой жизни, которую сменяют пресыщение и разочарование. Мудрецы считали, что единственно возможный вид счастья — жизнь в согласии с самим собой, без страха, без напрасных надежд и мечтаний, в спокойном и ясном видении проблем и невзгод. **Счастье — это внутренняя умиротворенность, когда вместо страха и забот жизнь проникнута пониманием святости каждой прожитой минуты, святости и красоты окружающего мира, которые отражаются в его душе.**

Все внешние источники счастья и наслаждений, писал Шопенгауэр, по своей природе крайне ненадежны, сомнительны, преходящи, подчинены случаю. В этом отношении больше, чем в каком-либо ином, важно, что именно мы имеем в себе. «В мире вообще немного можно раздобыть: он весь полон нуждою и горем, тех же, кто их избег, подкарауливает на каждом шагу скука. К тому же, по общему правилу, власть принадлежит дурному началу, а решающее слово — глупости. Судьба жестока, а люди жалки. В устроенном таким образом мире тот, кто много имеет в себе, подобен светлой, веселой, теплой комнате, окруженной тьмою и снегом декабрьской ночи. Поэтому высокая, богатая индивидуальность, а в особенности широкий ум, означают счастливейший удел на Земле, как бы мало блеска в нем ни было»¹.

Счастье возможно только сейчас, в эту минуту, в настоящем. Но обычно мы не задерживаемся в настоящем, утверждал Паскаль. Мы вспоминаем прошлое, мы предвкушаем будущее, словно хотим поторопить его слишком медленный шаг. Мы так неосмотрительны, что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит. Мы так легкомысленны, считал Паскаль, что мечтаем только о воображаемых временах и без рассуждений бежим от единственно существующего в действительности. Это потому, что настоящее обычно ранит нас. Мы его прячем от самих себя, потому что оно нас удручает, а если оно нам приятно, то жалеем, что оно ускользает. Мы пытаемся удержать его в будущем и предполагаем распоряжаться такими вещами, которые отнюдь не в нашей власти, в том времени, до которого мы вовсе не обязательно доживем.

Мы почти не думаем о настоящем, считал он, а если и думаем, то лишь для того, чтобы в нем научиться лучше управлять будущим. Настоящее никогда не бывает нашей целью. Таким образом, мы вообще никогда не живем, но лишь собираемся жить и постоянно надеемся на счастье, но никогда не добиваемся его, и это неизбежно.

Пока человек не нашел ничего святого в своей жизни, не почувствовал глубину, волнующую красоту настоящего мгновения, его жизнь поверхностна. Он может жениться, иметь детей, хороший дом и деньги, может быть умным и удачливым. Но его жизнь будет лишена того аромата мудрости и спокойствия, без которого все похоже на тень.

4. Смерть. Смерть — важнейший фактор человеческого существования. Только взгляды в лицо смерти, мы начинаем любить жизнь. Если бы не было смерти, жизнь была бы бессмысленна. В древнегреческой мифологии бессмертие было самым страшным наказанием, к которому боги могли приговорить человека. В тысячах книг, романов, трактатов бессмертие преподносилось как главная мечта человечества — но что может быть страшнее бессмертия. Представьте себе, что вы бессмертны — уже умерли все ваши родственники и друзья, дети и дети ваших детей, а вы все живете и живете, абсолютно одиноким и брошенным в чужие, не понятные вам время и культуру.

В каждой культуре специфическое отношение к смерти. В Индии как в древности, так и в наше время умершего человека сжигают на костре, прах развеивают и от него ничего не остается. А в древнеегипетской цивилизации был настоящий культ мертвых, набальзамированные египетские фараоны до сих пор лежат в европейских музеях. Европейские кладбища — это сложнейшая архитектура памятников, надгробий, склепов.

Смерть, как и рождение, формирует границы человеческой жизни. Все, что вне этих границ, для человека не существует. Смерть сопровождает человека с момента его рождения. Она представляет собой как бы тень человека, самую верную и привязчивую. В этом смысле человек — самое несчастное из животных, поскольку знает заранее о своей будущей смерти. Но в то же время это дает огромное преимущество человеку, поскольку **смерть организует человеческую жизнь, заставляет человека в краткие годы найти смысл и оправдать перед самим собой свое существование.**

Смерть — не конец, а венец жизни, она с самого начала присутствует в ней как упорядочивающий жизнь элемент. Но часто в обыденной жизни человек живет так, как будто он бессмертен. Он старается не думать о смерти, всячески отгоняет мысли о ней или полагает, что смерть очень далеко от него. Мудрецы же с древних времен говорили: «Memento mori!» («Помни о смерти!»). Для чего нужно помнить о смерти? Разумеется, не для того, чтобы отравлять себе жизнь и постоянно мучиться страхом. Помнить о смерти — значит каждый день жить так, как будто это последний день жизни, ведь он и в самом деле может оказаться последним. Предполагается, что дурной человек хоть один день, последний, постарается прожить по-человечески — не лгать, не воровать, не убивать.

Если бы смерть, полагал Монтень, была подобна врагу, от которого можно убежать, то лучше было бы сделать это. Но так как от нее ускользнуть невозможно, ибо она одинаково настигает беглеца, будь он плут или честный человек, и так как даже наилучшая броня от нее не обережет, то лучше научиться встречать ее грудью и вступать с ней в единоборство. Нужно лишить ее загадочности, присмотреться к ней, приучиться к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем-либо другом. Надо всюду и всегда вызывать в себе ее образ и притом во всех возможных ее обликах. Если под нами споткнется конь, если с крыши упадет черепица, если мы напомним о булавку, будем повторять себе всякий раз: «А что, если это и есть сама смерть?» «Неизвестно, где поджидает нас смерть; так будем же ожидать ее всюду. Размышлять о смерти — значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот научился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения. И нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь — незло»¹.

Вопросы для самоконтроля по теме:

1. Как вы можете прокомментировать слова А.С. Пушкина: «На свете счастья нет, а есть покой и воля»?
2. Говорят, что по мере взросления человеку выпадает все меньше и меньше счастливых минут, поскольку становится больше забот, больше проблем и трудностей, а сам человек начинает более трезво оценивать жизнь. Согласны ли вы с этим?
4. Философия говорит, что гораздо важнее любить самому, оказаться способным на такое чувство, а любят тебя или нет — это не так уж важно. Соответствует ли это вашим представлениям о любви?
5. В.С. Соловьев говорил, что любовь для человека все равно, что разум для животного — только смутная возможность. А Б. Паскаль утверждал, что мы рождаемся с любовью в сердце, что мы любим всегда, и, даже когда нам кажется, что мы презрели любовь, она таится в глубине нашего сердца. Без любви мы не могли бы прожить и минуты. Какая точка зрения вам ближе? Или, может быть, эти мыслители говорили о разных вещах?

Задание для отчета:

1. Сделать конспект лекции
2. Ответить на контрольные вопросы (вопросы для самоконтроля)